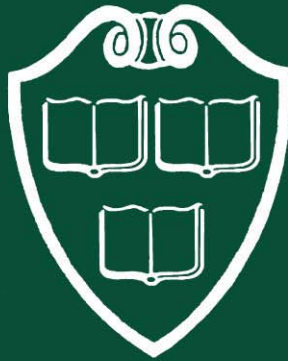

Рух
Britannica

М. М. Горелов

ДАТСКОЕ
И НОРМАНДСКОЕ
ЗАВОЕВАНИЯ
АНГЛИИ
В XI ВЕКЕ

УДК 94(410)"10"
ББК 63.3(4Вел)4
Г 687

*Рекомендовано к изданию Ученым Советом
Института всеобщей истории РАН*

Горелов М. М.

Г 687 Датское и нормандское завоевания Англии в XI веке
/ М. М. Горелов. – СПб.: Алетей, 2017. – 178 с. – (Рах
Britannica).

ISBN 978-5-91419-018-4

Автор затрагивает малоисследованные в отечественной историографии проблемы политической истории Англии на рубеже раннего и классического Средневековья, помещая их в контекст общеисторического развития всего северо-западного региона Европы. Большое внимание уделяется англоскандинавским отношениям и культурной интеграции донормандской Англии в «мир викингов». История Англии рассматривается через призму двух переломных моментов, повлекших за собой столь значительные, столь и разные последствия – завоевания Англии датчанами в начале XI в. и нормандцами во второй половине XI в. Автор скрупулезно реконструирует фактологию этих событий, что особенно ценно на фоне общеизвестной скудости источниковой базы по данной проблематике. Подробно исследуются экономические, политические, социальные и этнокультурные последствия двух завоеваний – в корне различающиеся, что обусловлено особенностями социально-экономического уклада жизни самих завоевателей. Большое внимание уделено историческим персоналиям, подробно рассматривается роль элит и природа этнополитической раздробленности. Важнейшая сторона исследования – тематика отображения событий и их последствий в массовом сознании современников и последующих поколений, в средневековой литературе, в языке и исторической памяти, анализ этнического самосознания раннесредневековых обществ и проблема исторических альтернатив.

В монографии применяются современные достижения в жанре политической истории – компаративный анализ, комплексное рассмотрение исследуемой проблематики с привлечением подходов из арсенала социальной и культурной антропологии, истории ментальности, микроистории, интеллектуальной истории.

УДК 94(410)"10"
ББК 63.3(4Вел)4

ISBN 978-5-91419-018-4

9 785914 119018 4

© М. М. Горелов, 2007
© Издательство «Алетей» (СПб.), 2007

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении XX в. традиционная политическая история в значительной мере была оттеснена на задний план различными новыми направлениями, характерной чертой которых стало исследование не столько событий, сколько тенденций; кроме того, наблюдалось явное преобладание в исторических исследованиях интереса к социально-экономической и правовой проблематике. Однако, как показывает практика, событийная история может существовать на вполне современном уровне, обогатившись достижениями прочих направлений, в том числе появившихся сравнительно недавно (культурная антропология, история ментальностей, и т.д.), что способствует комплексному подходу к ее изучению. Как бы там ни было, изучение событий как таковых является основой, становым хребтом истории вообще, поэтому, вероятно, известное высказывание основателей школы «Анналов», объявивших традиционную политическую историю «трупом», не следует понимать буквально. Ренессанс политической истории в последние десятилетия доказывает ее жизнеспособность, что соответствует и мнению автора данной работы, старавшегося мобилизовать все еще не исчерпанные до сих пор возможности политической истории в ее современной трактовке (с элементами этно- и социокультурного анализа).

Настоящая работа имеет своей задачей исследовать политическую историю Англии на рубеже раннего и классического Средневековья. Если в зарубежной (прежде всего, разумеется, англоязычной) историографии существуют десятки трудов, посвященных указанной тематике, то в отечественной историографии она изучена совершенно недостаточно. Между тем, эта тематика важна не только в страноведческом плане или применительно лишь к политической истории. Она приводит к рассмотрению более глубоких, общеисторических проблем, таких, как отношения между разными типами и стадиями цивилизационного развития, формирование этнического самосознания, проблемы сепаратизма и целостности государства, роль элиты в обществе, проблема сохранения культурной

идентичности в условиях насильственно насаждаемой иной модели исторического развития, наличие исторических альтернатив. Все эти проблемы находятся в центре внимания современной гуманитарной науки. Благодаря сравнительному подходу, появляется возможность показать те процессы и явления, относящиеся к исследуемым событиям, которые до сих пор были мало освещены в международной историографии.

Мы рассматриваем политическую историю Англии XI в. на срезе двух переломных моментов, повлекших за собой включение Англии в полиэтничные державы и вызвавших глубокие цивилизационные, социальные и этнокультурные изменения в английском обществе. Речь идет о датском и нормандском завоеваниях, а также о сравнительном анализе различных аспектов этих изменений в контексте внутренней политики завоевателей в завоеванной стране. Эта тема выводит исследователя на такие задачи, как:

- 1) изучение и подробная реконструкция событий политической истории рассматриваемого региона в данный период;
- 2) установление взаимосвязи внутренней политики датских и нормандских завоевателей в Англии с социальной структурой их собственных обществ, что определяло характер завоеваний и оседания на завоеванных землях;
- 3) установление взаимосвязи между уровнем этнического самосознания англосаксов и феноменом политического сепаратизма («регионализма»), а также рассмотрение роли знати как основного выразителя этого самосознания;
- 4) оценка роли культурных и идеологических аспектов в политике ассимиляции и в процессе складывания новых государственных образований;
- 5) выяснение возможностей альтернативных вариантов развития событий и пределов этих возможностей.

Как правило, при обращении к истории Англии XI в. прежде всего возникают ассоциации с нормандским завоеванием и последующей земельной переписью, отраженной в «Книге Страшного Суда». Действительно, нормандское завоевание стало поворотным моментом английской (да и, в какой-то степени, общеевропейской) средневековой истории, открыв в Англии период «развитого феодализма», с его английской спецификой. Однако в тени историографической популярности этого события и его последствий теряется другое, ничуть не менее интересное событие — датское завоевание Англии в начале XI в., не уступавшее по масштабам и значению нормандскому, но значительно меньше привлекавшее внимание как средневековых, так и современных историков. Причин этому можно указать несколько. Для авторов, писавших в конце

XI–XII вв., датское завоевание виделось чем-то полузабытым, поскольку было отодвинуто на задний план социальными, политическими и культурными сдвигами, вызванными нормандским завоеванием и потрясшими до основания английское общество. Идеологическое оправдание нормандского господства, которым занимались нормандские хронисты XI в., или анализ и осмысление результатов нормандского завоевания, присущие более поздним авторам, таким, как Ордерик Виталий, Уильям Малмсберийский — вот что занимало умы тогдашних писателей. Что же касается историографии второй половины XIX–XX вв., то именно нормандское завоевание Англии представляло для историков оптимальный фундамент для дискуссий о феодальном строе, «феодальной революции», сущности феодализма, и прежде всего о том, было ли донормандское англосаксонское общество феодальным, или нет, и т.д.

Между тем, датское завоевание Англии (можно даже условно назвать его вторым датским завоеванием, дабы отличать его от первого, имевшего место в IX в. и приведшего к образованию Области Датского права), не уступая нормандскому по длительности и размаху военных действий, открыло в истории Англии тоже весьма интересный, хотя и не очень долгий период, когда Англия входила в состав империи Кнута Великого (1017–1035). Но датское завоевание Англии протекало в рамках одного культурно-исторического ареала. Несмотря на неизбежные жертвы, разрушения, насилие и прочие явления, сопутствующие любому подобному событию, датское завоевание с исторической точки зрения было менее болезненным для Англии, чем нормандское, так как не ломало местные социальные, политические, культурные традиции. Ведь это было не первое «вливание» германской, в том числе скандинавской, крови в английское общество. Еще историки XIX в., в частности, Дж. Грин, отмечали языковое и культурное родство англосаксов и скандинавов¹. В наше время историки говорят, основываясь на данных археологии, лингвистики, и т.п., уже о более широкой этнокультурной общности германских племен, населявших берега Северного моря и говоривших некогда на одном языке, который Е. Шервуд называет «древнефризским» (вероятно, правильнее было бы называть его древнезападногерманским)². В эту общность, сложившуюся еще на рубеже нашей эры и упоминавшуюся Тацитом («ингевоны»), входили и англосаксы, и скандинавы, и фризы, и континентальные саксы³. На протяжении раннего Средневековья, несмотря на изменения в политической карте

¹ Грин Дж. Р. Краткая история английского народа. Вып. 1. М., 1897. С. 61.

² Шервуд Е. От англосаксов к англичанам. М., 1988. С. 79–82.

³ Lawson M.K. Cnut: the Danes in England in the early XIth century. P. 1.

региона, связанные с миграциями и становлением государственности у указанных и прочих племен, эта общность в известной степени сохранилась, так как была обусловлена изначальным генетическим родством прежних племен, их языка, культуры, традиций — то есть, самими истоками данного культурно-исторического типа.

В связи с рассматриваемыми событиями возникает также и проблема исторической альтернативы: как могли развиваться английская государственность и цивилизация при неудачном исходе или лишь частичном успехе обоих завоеваний? Методы «альтернативного» подхода в истории в наше время получают все большее признание, несмотря на консервативную аксиому о том, что «история не терпит сослагательного наклонения». Современная историко-философская мысль призывает выдвигать гипотезы, изучать то, что могло бы произойти, соблюдая при этом, конечно, осторожность и здравомыслие, не отрываясь от реалий. Поссибилистский и контрфактический подходы только обогащают исследовательский арсенал историка¹.

Особый интерес и дискуссии вызывают в настоящее время проблемы национального самосознания и национальный фактор вообще. Примером дискуссий в рамках этих проблем может служить сборник «Concepts of national identity in the Middle Ages» (1995), где представлен спектр мнений современных западных исследователей. Этот спектр довольно широк, что подтверждает актуальность самих проблем. Так, например, Б. Андерсон считает, что в единой христианской Европе в средние века не было и быть не могло национального самосознания²: один из его аргументов — культурная роль христианства и латыни как общеевропейского языка. Л. Джонсон утверждает, что как народы, так и их самосознание «создаются государствами»³, то есть, оформляются в процессе становления государственных институтов, центральной власти, и т.д. С другой стороны, как историки XIX в., так и современные исследователи подчеркивают локальный, местный характер этнического самосознания в раннее Средневековье, в эпоху лоскутных варварских государств с постоянно меняющимися границами, искусственно объединявших разные этнические общности, еще и не оформившиеся в этносы как таковые⁴. Эти дискуссии, в част-

---

¹ См.: Мило Д. За экспериментальную, или веселую историю; Хук С. «Если бы» в истории // THESIS, NS'94; Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время. В поисках утраченного. М., 1997; Экиштут С.А. В поиске исторической альтернативы. М., 1994.

² Concepts of national identity in the Middle Ages. P. VII.

³ Johnson L. Imagining communities: medieval and modern // Concepts of national identity... P. 11.

⁴ Буданова В.П. Этнические процессы и власть в раннее Средневековье // Власть и политическая культура в средневековой Европе. Ч. I. М., 1992. С. 44–45.

ности, проблема англо-нормандского этнокультурного синтеза, последовавшего за нормандским завоеванием, имеет непосредственное отношение к оценке его последствий.

В связи с этническим аспектом данного исследования следует особо сказать о соответствующей терминологии: то, что в западной историографии обозначают словом «nation», в отечественной обычно называют «народностью». Применительно же к раннему Средневековью, когда еще и народности только начинали складываться, можно говорить об этносах, или этнических группах, объединенных общностью происхождения, культурных традиций и исторической памяти. Эту точку зрения, принятую в отечественной историографии, разделяют Л. Джонсон и А.Д. Смит¹. Что касается терминов «раса», «расовый», столь часто употребляемых в англоязычной историографии, в том числе и применительно к раннему Средневековью, то их следует понимать, конечно, не в современном, принятом у нас смысле, а скорее как этнокультурные категории.

Часто употребляемый здесь термин «регионализм», заимствованный из англоязычной историографии, подробно объясняется по ходу повествования. Отметим лишь, что он соотносится с терминами «раздробленность» (политическая, экономическая, и т.п.), или «обособленность», но характеризует также и субъективную сторону этих явлений, то есть, восприятие их самими людьми.

Что касается общего направления данной работы, то она представляет собой исследование политической истории на стыке с этнокультурной и социальной историей (насколько, конечно, источниковая база это позволяет). Следует отметить, что, например, по эпохе нормандского завоевания эта база гораздо шире, нежели по Империи Кнута; именно поэтому нормандское завоевание занимает больший объем нашей работы, хотя и по проблематике датского завоевания и царствованию Кнута был задействован практически весь имеющийся материал.

---

¹ *Smith A.D. National identities: modern and medieval // Concepts of national identity... P. 28–29. Johnson L. Op. cit. P. 11–12.*

ИСТОРИОГРАФИЯ

Историография нормандского завоевания довольно обширна, но собственно политической истории вопроса посвящено не так много работ, как может показаться на первый взгляд; нередко за всевозможными вариациями названия «Norman Conquest» стоит анализ социально-экономических и институциональных сдвигов, последовавших за конкретными историческими событиями, нас интересующими. Историография нормандского завоевания восходит в Англии еще к XVII в. Авторы того времени рассматривали институционально-правовые изменения, произошедшие после завоевания, этого «коренного перелома в конституциональной преемственности», по выражению Дугласа¹. В XVIII в. была издана «Книга Страшного Суда», и проблематика нормандского завоевания постепенно стала доступной для сравнительно широкого круга образованной общественности, предметом научных дискуссий. Это способствовало плюрализму мнений; если редкие авторы XVII — начала XVIII в. ограничивались верноподданническими оценками завоевания в духе монархического патриотизма, то революционные потрясения второй половины XVII в., приведшие к власти либеральную буржуазию, вывели на сцену так называемую «вигскую» концепцию, доминировавшую в английской историографии двести лет. Этой концепции были свойственны буржуазно-патриотическая точка зрения на рассматриваемые события, изображение героической борьбы англосаксов с завоевателями. В основе вигской концепции в известной степени лежала политическая конъюнктура эпохи, традиционная неприязнь либералов к сильной королевской власти и симпатия к демократическим традициям народного представительства. Собственно, основной недостаток вигской концепции и состоит в этом модернистском подходе к прошлому, базировавшемся на самом менталитете вигов, с его корнями в идеях Просвещения XVII–XVIII вв. Вместе с тем, вигская школа достигла

---

¹ *Douglas D.C. The Norman Conquest & British historians. Glasgow, 1946. P. 29.*

определенного совершенства в разработке прежде всего событийной истории, несмотря на модернистские апелляции к понятиям «нация», «демократия», и т.д., больше свойственным эпохе Просвещения, а не Средневековью.

Лейтмотивом концепции историков-вигов было противопоставление демократических порядков англосаксов военно-монархическому режиму нормандцев. Национально-освободительная борьба саксов виделась как всенародное сопротивление с целью возвращения к демократическим порядкам до нормандской старины. Англосаксонский континуитет выступал в роли единственно прогрессивной тенденции. Эта концепция варьировалась по-разному у разных историков. Известный историк и публицист Т. Карлейль (хотя он не был вигом) сожалел о былом величии саксов, ушедшем безвозвратно. Честертон, Грин, Поллард пошли дальше, оформляя постепенно идею о том, что завоевание и нормандское владичество на двести лет прервали национальную историю, традиции, и т.д.¹

XIX век — время массовой публикации источников, подлинного открытия архивов — дал либеральным историкам обширную источниковую базу. Если общие позиции вигской историографии не раз подвергались критике и пересмотру, то заслуги их в разработке событийной истории непреходящи, поскольку многотомные труды этих историков базировались на серьезном анализе источников. В этом отношении, вершина своего расцвета либеральная историография достигла в 70–80-е гг. XIX в. в лице Э. Фримена, Дж.Р. Грина, У. Стаббса, и др.

У. Стаббс, занимавшийся юридическими и экономическими вопросами на основе «Книги Страшного Суда», сделал ценный вклад в изучение и нормандского завоевания. В целом, оценка Стаббсом нормандского завоевания была такой же уравновешенной, как и вся его концепция конституционного развития, отраженная в «Конституционной истории Англии»². Можно сказать, что Стаббс положил начало концепции англо-нормандского синтеза, ставшего залогом сбалансированного политического развития Англии в будущем; завоевание, по его мнению, спасло англосаксонскую государственность от политического распада. Концепция Стаббса получила известное развитие в середине XX в. в трудах Стентона и других «англо-норманистов» (см. ниже).

Фримен, горячий сторонник теории англосаксонского континуитета, сделал нормандское завоевание основным научным интересом своей жизни, результатом чего стал обширный шеститомный труд «История

¹ Ibid. P. 11–13.

² *Stubbs W. The constitutional history of England in its origin & development. Oxford, 1883–1884.*

нормандского завоевания Англии, его причины и результаты» (1877–1885)¹. Несмотря на некоторую предвзятость, обусловленную типичным для вигов модернизаторским подходом и личными германистскими пристрастиями Фримена, этот известнейший труд, по словам Д.Дугласа, «является непревзойденным в качестве детального описания нормандского завоевания и истории Англии XI в. в целом»². (Имеется в виду политическая история). Книга Фримена — подробное и красочное повествование, яркий образец «описательной» истории XIX в. Концепцию же автора лучше всего характеризуют слова самого Фримена о том, что он сам был бы рад сражаться при Гастингсе за «старую, добрую свободу»³. Лидеры саксов — Гарольд, эрл Вальтёф — выглядят у Фримена эпическими героями; Фримен отождествляет древнюю германскую свободу, за которую, по его мнению, они пали, со свободой в либерально-демократическом понимании вигов.

Наконец, Дж.Р. Грин, в отличие от вигских историков больше заострявший внимание на роли именно народа в истории, отдает дань проблематике нормандского завоевания в книгах «Краткая история английского народа» (1874), «История английского народа» (1877–1880) и «Завоевание Англии» (1883). В целом, описательный стиль повествования роднит труды Грина и Фримена, но у Грина гораздо меньше подробностей, событийной скрупулезности, а также отсутствует какая-либо четкая концепция. В частности, это характерно для «Завоевания Англии», где Грин рассматривает и англосаксонское, и скандинавское, и нормандское завоевания Англии в качестве последовательных этапов, предпочитая не столько анализ, сколько этнографические экскурсии. В «Краткой истории английского народа» Грин все же делает ряд принципиальных выводов, противоречащих Фримену: так, он говорит, что феодализм зародился и «уничтожил прежнюю английскую свободу» еще в англосаксонское время, до нормандского завоевания, только завершившего этот процесс⁴. Нетипично для вигов также то, что Грин позитивно оценивает некоторые результаты завоевания, в частности, установление в стране правопорядка и политической стабильности взамен прежней анархии и сепаратизма, что дало импульс к развитию экономики, культуры, городской жизни, укреплению авторитета церкви⁵. Вместе с тем, он сдержанно сочувствует англосаксам, понесшим боль-

¹ *Freeman E.* The history of the Norman Conquest of England, its causes and results. L., 1877–1885.

² *Douglas D.C.* Op. cit. P. 18.

³ *Ibid.* P. 21.

⁴ *Грин Дж.Р.* Краткая история английского народа. Вып. 1. М., 1897. С. 164.

⁵ Там же. С. 109, 114.

шие жертвы, и эта сдержанность в корне отличает его от пламенного германиста Фримена.

Главным оппонентом Фримена был видный консервативный историк Дж.Х. Раунд, выдвинувший теорию «феодальной революции», заключающейся в распространении рыцарских земельных держаний, с сопутствующими этому социальными и правовыми изменениями. Нормандское завоевание с этой точки зрения означало слом патриархального англосаксонского уклада и смену его развитым феодализмом континентального типа. Что касается саксов, то Раунд считал английскую государственность середины XI в. нежизнеспособной; она разложилась, по его мнению, от «избытка свободы», отсутствия сильной центральной власти, дисциплины и порядка, как позднее Речь Посполитая, хотя при этом Раунд не отрицает достижений англосаксонской демократии. Вместе с тем, торийская школа была не меньше вигов склонна к конъюнктурной либерализации истории в угоду политическим симпатиям; в установлении жесткой монархической власти торийские историки видели прогресс, декаданс англосаксонской политической системы объясняли ее «вигской» либеральной ориентацией¹. Концепция Раунда (наряду с концепцией Стаббса) получила развитие в работах Стентона и других консервативных историков «пронормандского» направления, доминировавших в середине XX в. — приверженцев королевской власти и «нового порядка», принесенного нормандцами в Англию.

Что касается неанглийской историографии нормандского завоевания в XIX в. — начала XX в., то здесь прежде всего следует упомянуть книгу известного французского историка О. Тьерри «Завоевание Англии норманнами» (1825, перевод на русский 1904) — типичный образец «описательной» истории, довольно популярного характера. Тьерри рассматривал процесс оседания нормандцев в завоеванной Англии, разделив его на ряд этапов. Однако, в описании событий политической истории он целиком следовал сюжетным линиям нормандских и англо-нормандских авторов, механически перенеся в свою работу многие недостоверные сведения — в частности, легенду о клятве Гарольда (см. ниже), выдуманную нормандскими хронистами.

Российские историки рубежа XIX — XX вв. лишь попутно касались проблематики нормандского завоевания, главным образом в связи с изучением конституционно-институциональной истории английского средневековья (эволюция королевской власти, судебной системы, представительных органов, и т.д.). Так, Д.М. Петрушевский в книге «Очерки из истории английского государства и общества в средние века» (1903)

¹ См.: *Round J.H. Feudal England. Historical studies on the XIth & XIIth centuries.* L., 1909.

склонялся к поддержке вигской концепции в духе Грина; М.М. Ковалевский, Н.И. Кареев, Т.Н. Грановский занимали более нейтральную позицию, интересуясь больше историей Парламента, то есть, более поздним периодом.

В ключе конституционно-институциональной истории (*Verfassungsgeschichte*) выдержана и работа немца Р. Гнейста «История государственных учреждений в Англии». Апологизируя англосаксонскую систему местного самоуправления и выводя ее напрямую из «трезвого, нравственного характера» германских народов¹, Гнейст тем самым косвенно превозносит и англосаксонскую государственность, гибель которой он несколько наивно объясняет «чувством островной безопасности», под влиянием которого саксы выказали невнимание и небрежение к военному делу и организации обороны страны на должном уровне, почему и были побеждены нормандцами². В Англии же IX в. Гнейст, напротив, видит едва ли не великую державу в расцвете сил³, хотя сегодня подобная точка зрения кажется более чем сомнительной. (В корне противоположную точку зрения, подчеркивающую крайний регионализм и политическую раздробленность Англии IX–X вв., см. в ст.: P. Wormald. *The making of England // History Today*, vol. 2, Feb. 95.) В конечном счете, как отмечает Гнейст, англосаксы ассимилировали нормандцев и остались «германской нацией... с трезвым и нравственным характером, в отличие от подвижных и блестящих нравов франков» (нормандцев)⁴.

Существенным для нашей темы достижением исторической мысли на рубеже XIX — XX вв. стало углубление интереса со стороны нескандинавских историков к истории европейского Севера, к миру викингов и его роли в судьбах народов Европы. Эта проблематика стала выходить за рамки собственно скандинавского исторического достояния. Для истории Англии изучение скандинавского фактора имеет непреходящее значение. Если ранее рассматривалась дуалистическая схема — нормандцы и саксы — то теперь она включила в себя третье звено — скандинавов, и акценты сместились в сторону рассмотрения Англии как арены столкновения разных локальных цивилизационных типов.

В XX в. в исторической науке произошли серьезные изменения; в частности, значительно возрос интерес к исследованиям социально-экономической проблематики. Отчасти здесь сказалось влияние марксизма, акцентировавшего внимание на базисных явлениях. Влияние это

---

¹ Гнейст Р. История государственных учреждений Англии. М., 1885. С. 265.

² Там же. С. 18.

³ Гнейст Р., Ук. соч. С. 35.

⁴ Там же. С. 265.

было воспринято историками школы «Анналов», объявившими событийную историю «трупом», не заслуживающим интереса. Изучение нормандского завоевания тоже перешло в новое русло, согласно этим новым тенденциям. Если либеральная историография XIX в. описывала войны, борьбу за власть, интриги и междоусобицы правящих элит, то историография 20–60-х гг. XX в. делает упор на социально-экономическую проблематику, изучая долговременные последствия завоевания. В основном это делается в ключе концепции англо-нормандского синтеза, почему мы условно и называем историков этого направления «англо-норманистами», взяв за основу термин «Anglo-Norman studies». Наиболее видные «англо-норманисты» — это, конечно, Ф. Стентон и Д. Дуглас, чьи труды представляют собой фундаментальные исследования аграрной истории английского феодализма и связанных с ней правовых институтов. Они взяли на вооружение концепцию Раунда, развивая традиции торийской историографии. Гегемонию консервативного направления в историографии середины XX в. можно объяснить, по-видимому, и успехами тори на политическом поприще, ведь они долго стояли у руля управления Британской Империей, тогда как либералы уже сошли с политической арены.

Вместе с теорией «феодальной революции» Раунда в труды Стентона и Дугласа перекочевали и симпатии к «сильной руке», к имперско-монархической идее, выпестованной в недрах континентального феодализма. Приоритет государственнического, имперского начала над национальным и единственная правильность континентального пути развития феодализма — таковы основные позиции этих двух авторов по вопросу о нормандском завоевании.

В книге «Вильгельм I и правление нормандцев» Стентон выводит из аграрно-экономического базиса характеристику социально-политических отношений в Англии середины XI в., делая акцент на различиях между югом (Уэссексом) и севером (Нортумбрия и Денло): на Юге — бурно развивающийся феодализм, буквально каждое село имеет своего лорда; на Севере — патриархальное общество свободных крестьян, не знающих над собой господина рангом ниже эрла, архиепископа или короля; патриархальному аграрному укладу соответствует слабая, загнивающая, разлагающаяся в условиях сепаратизма и борьбы за власть между аристократическими группировками государственность; страна раздроблена в социально-экономическом и политическом смысле, связь центра с властью на местах отсутствует, как отсутствует и финансовая система, и боеспособная армия; династия вырождается, на местах всем управляют группировки знати, особенно на Севере, и т.д. Так оценивает Стентон донормандскую Англию. Идеал для него — динамичное разви-

тие континентальной Западной Европы, рядом с которой Англия выглядит застойной провинцией¹. Далее, положительно оценивая миграцию нормандских колонистов в Англию при Эдуарде Исповеднике (купцов, военных, и др.), и их созидательную деятельность на местах, Стентон делает довольно рискованный, на наш взгляд, вывод, что завоевание 1066 г. удалось потому, что было органически подготовлено этой мирной «норманизацией» Англии². Вообще, Стентон сильно грешит односторонне пронормандскими симпатиями на протяжении всей книги, ничуть не хуже германиста Фримена. Рядом с нормандцами — носителями всех мыслимых добродетелей и прогресса — англосаксонская знать выглядит оплотом варварства и сепаратизма. Оправдывая вторжение Вильгельма в Англию, Стентон всячески поносит Гарольда и дом Годвинов, пришедших к власти в 1052 г. якобы в результате путча, с помощью пиратов и наемников. Хорошо, что Гарольд погиб при Гастингсе, делает вывод Стентон, ибо, в отличие от Вильгельма, реформ по укреплению государства он все равно не провел, а будущего у англосаксонской государственности не было. Что касается сопротивления саксов, то его Стентон объясняет всецело варварским партикуляризмом местной знати, привыкшей к смутам, а не патриотическим подъемом, поэтому сопротивление завоевателям и было раздробленным, сугубо местным — ведь основы для массового движения не было, так как национальное чувство в то время еще не сложилось³. Таким образом, для Стентона сущность конфликта сводилась к борьбе централизаторских устремлений королевской власти (неважно какой этнической принадлежности) и сепаратистской местной аристократии; в этом отношении, Стентон ставит в один ряд столь разные события, как феодальную смуту эрлов 1075 г., патриотические выступления саксов 1068–1071 гг. и борьбу региональных элит в Англии X — первой половине XI вв., объединяя их по принципу «антицентристской» направленности⁴.

Понятия «прогресс» и «континентальный феодализм» для Стентона абсолютно идентичны; апологизируя французский вариант развития феодализма в качестве единственно верного пути и увязывая политические тенденции непосредственно с аграрными отношениями, Стентон отказывает в праве на существование другим моделям развития — в данном случае североευропейской, характерной для Англии до нормандского завоевания.

---

¹ Stenton F.M. William the Conqueror & the rule of Normans. P. 13, 18, 22.

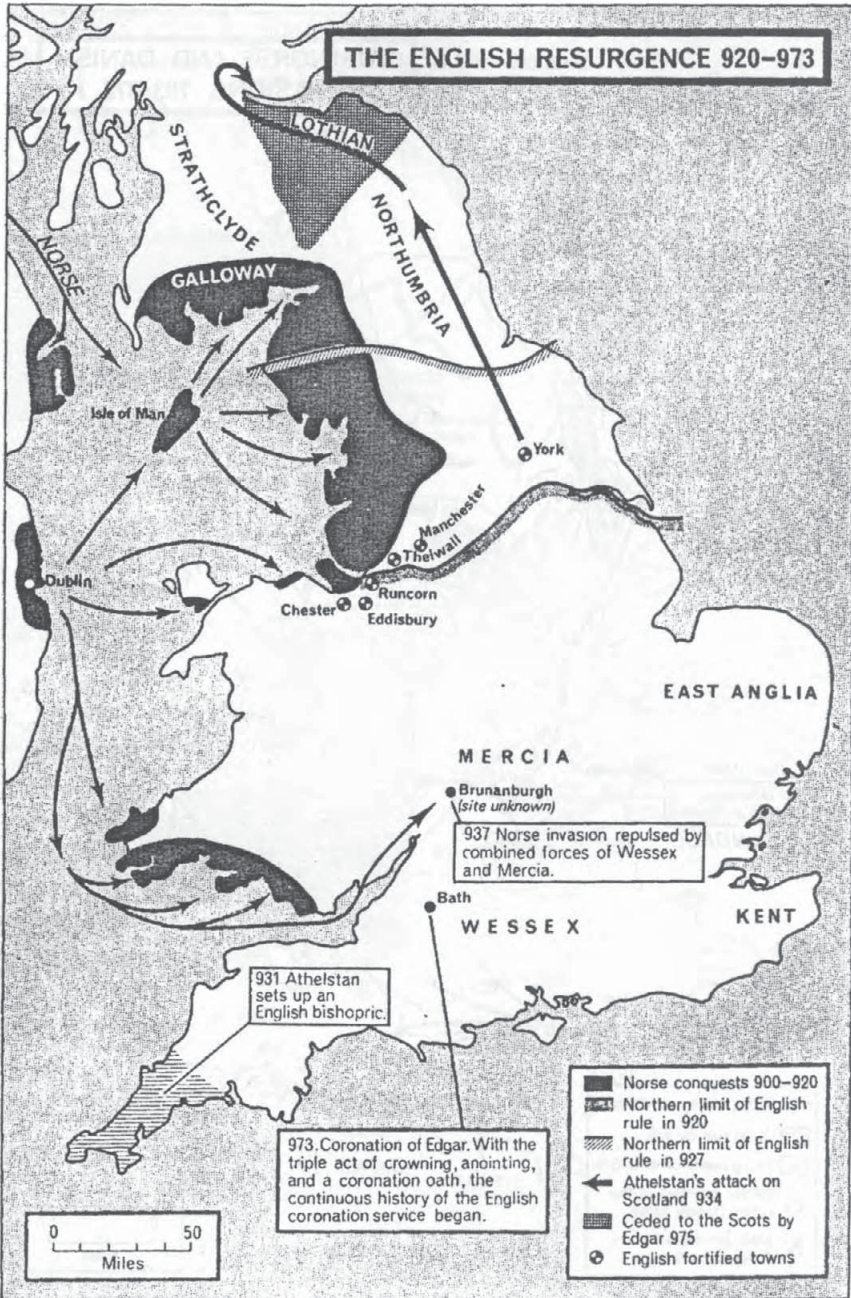
² Ibid. P. 53.

³ Ibid. P. 210, 270.

⁴ Ibid. P. 322–323.

THE ENGLISH RESURGENCE 920-973

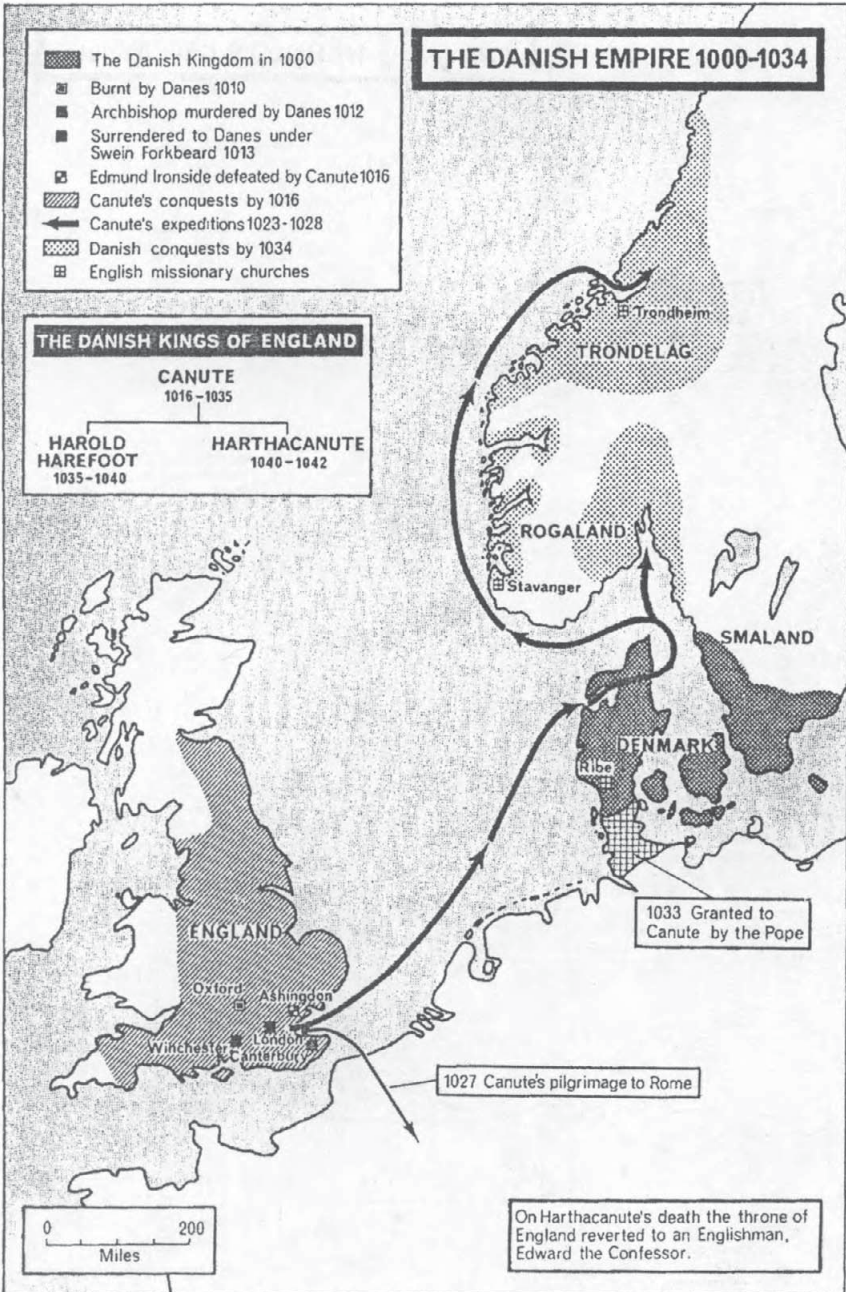
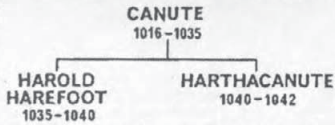

THE DANISH EMPIRE 1000-1034

- The Danish Kingdom in 1000
- Burnt by Danes 1010
- Archbishop murdered by Danes 1012
- Surrendered to Danes under Swein Forkbeard 1013
- Edmund Ironside defeated by Canute 1016
- Canute's conquests by 1016
- Canute's expeditions 1023-1028
- Danish conquests by 1034
- English missionary churches

THE DANISH KINGS OF ENGLAND

On Harthacnut's death the throne of England reverted to an Englishman, Edward the Confessor.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Введение</i>	5
<i>Историография</i>	10
<i>Источники</i>	32
<i>Глава I. Датское завоевание Англии и его последствия. Империя Кнута</i> ...	44
Основные тенденции политической истории Англии в X–XI вв.	44
Англия накануне датского завоевания. Возобновление экспансии скандинавов	46
Англо-датский конфликт и завоевание Англии датчанами (1003–1017 гг.)	55
Образование Империи Кнута: внешнеполитические реалии	64
Социально-демографические последствия датского завоевания Англии ..	65
Внутренняя политика Кнута: «национальное примирение» и создание смешанной элиты	68
Империя Кнута: экономическое и культурное развитие	76
Датское завоевание и царствование Кнута в отзывах современников ...	80
<i>Глава II. Политическая история Норманского завоевания Англии</i>	83
Особенности внутренней и внешней политики Англии накануне нормандского завоевания	83
Проблема престолонаследия и борьба за престол (1064–1066 гг.)	89
Военные события 1066 г. и нормандское вторжение	97
Начало англосаксонского сопротивления (1067 г.)	106
Эскалация вооруженной борьбы (1068 г.)	112
Северное восстание 1069 г. — кульминация англо-нормандского противостояния	116
Последние крупные очаги англосаксонского сопротивления. Укрепление нормандского режима	125
От этнического конфликта к феодальным смутам	131
<i>Глава III. Социальные и этнокультурные последствия Нормандского завоевания Англии</i>	136
Нормандское завоевание глазами современников	136
Нормандское завоевание и англосаксонское сопротивление: этносоциальная характеристика конфликта	145
Демографические и социокультурные последствия нормандского завоевания	148
<i>Глава IV. Датское и Нормандское завоевания Англии: Сравнительный анализ</i>	152
<i>Библиография</i>	161